

Два рассказа

Записки ночного будочника

"Лето 1997-го года выдалось на редкость холодным"

Пишу эти строки в железной будке типа "батискаф". Справа от меня шипит радиоприемник. Слева — открытое во тьму окно. Сейчас только около двадцати минут десятого, а мне уже почему-то не по себе. Только что вышел по надобности, и покончив с ней, тут же бросился назад в свое надежное убежище, захлопнул дверь, быстро запер ее на замок и цепь. Первая мысль, всегда присутствующая в подсознании даже в яркий солнечный день, — "пришли враги, чтобы расправиться со мной и разгромить будку".

Кругом черным-черно. Мой батискаф давно заброшен на дне неведомого моря. Здесь я совсем один. Полную тишину нарушает только шуршание водорослей за бортом. Электрическая лампочка под потолком излучает яркий свет. Он, должно быть, виден за тысячу миль отсюда...

Изредка к иллюминатору подплывают рыбы, неслышно появляясь из темноты. У них разные лица, губы, носы и рты. Чешуя и плавники заметны меньше, так как скрыты во мраке.

Когда рыб долго нет, кажется, что они уже никогда не появятся, что они все вымерли или переселились в другие моря. Но стоит на минуту расслабиться, как в иллюминаторе уже чавкают губы, шевелятся носы и уши диковинных рыб. Когда я выдаю им корм, они исчезают. Иногда бесшумно, а иногда с веселым хихиканьем.

Делаю очередную запись в бортовом журнале: "Чувство бесконечного одиночества охватывает человека на такой глубине. Колоссальное давление давит на мозги и отбивает всякое желание что-то понимать, осмыслить и хоть в чем-то разобраться". Да и кислорода все меньше. Если он закончится — как я тогда буду общаться с рыбами? Среди них всякие попадаются.

Здесь, на глубине, все очень хрупко и непостоянно. Так, казалось бы, неизбежно сидеть в яркой будке... Но стоит только выйти во тьму, как дороги и тропинки сами понесут меня куда-то без оглядки, только вперед. Я буду ориентироваться на тусклые огни среди деревьев и почти интуитив-

но угадываемое впереди пространство. Ночной шум ветра захватит меня, и я забуду дорогу назад, как только будка скроется за деревьями.

Так тяжело писать... Кислорода все меньше, но всплывать нельзя. Всплытие разрешено только на рассвете с первыми лучами солнца...

Иногда неожиданно мелкая рыба ударяется об обшивку, вызывая легкую дрожь. Можно только представить себе, что будет, если в батискаф врежется взрослая рыба. Рыбы меньше 170 см в длину, как правило, здесь не плавают в это время.

Хочется выйти наружу во что бы то ни стало. При этом опасность сверху практически отсутствует. И все-таки кажется, что как только я открою люк, все обитатели моря примчатся сюда поглазеть на меня и сделать свои выводы. И хотя шансы появления (с претензиями) недовольных кормом ничтожно малы, следует соблюдать осторожность.

Кажется, выход неизбежен. Если бы я знал, что время здесь будет тянуться так долго, я бы отказался от дежурства и заплатил неустойку, только бы остаться наверху. Надо выходить обязательно.

Итак, все нормально, отработанная смесь слита за борт. Рыб не было видно, но, как мне показалось, они шмыгали вокруг в темноте и щелкали плавниками. На поверхности явно беспокойно. Явно кому-то не спится. Где-то там, далеко наверху, раздается пьяный рев, дудки и смех. Там отмечают день рождения любимого города. Грохочет музыка. С неба осыпаются искры салюта, а тысячи пустых бутылок проплывают высоко надо мной.

Черный океан окружает меня. На тысячи квадратных километров — ни души. Здесь, в спертой атмосфере ночной будки, я могу общаться только с комарами и пауками. С первыми разговор обычно не затягивается. Часто все заканчивается первым же приветственным хлопком. Мелькнула мысль о крысах. Но тут же отпала как никому не интересная. Их здесь нет. Обшивка будки крепко сварена. Она выдержала все шторма и ливни нынешнего мрачного лета, и должна еще долго простоять.

Что касается пауков, то они, как и вышеперечисленные представители местной фауны, как правило, симпатий не вызывают. Однако они дают толчок противоречивым чувствам. Им вроде бы все по фиг. Ничего они не боятся и никого. Недаром по народным приметам их можно только топить, иначе раздавленный вами паук будет являться вам в кошмарных снах. Пауки ночной будки — своего рода мафия мира насекомых. Они таинственные воротилы потолка, интеллектуалы темных углов. Видно, например, что у них есть мозги, какие-то цели, принципы, уклад жизни,

наконец. Паук вежлив и предупредителен, но он никогда не поверит вам на слово, руководствуясь правилом "доверяй, но проверяй". Пауки сильны вместе и поодиночке. И только извечный баланс в природе и разнообразие животных форм не дает им оплести своей паутиной весь мир. Несомненно, пауки видят свое предназначение именно в этом. Именно так, по их представлениям, должен выглядеть паучий рай...

Только что недосыпал корма одной рыбе. Она защелкала хвостом, и я понял свою ошибку. Инструкцией подобные ошибки строжайше запрещены. Но давление, недостаток кислорода и весело проведенное время наверху дают о себе знать. Между тем такие ошибки могут быть неправильно поняты, и это высаживает на измену...

Кто такой "metal guru"?

Трудно сказать, почему так притягивает эта мелодия, какие воспоминания и ассоциации всплывают при этом. Но всегда это что-то трогательное и привлекательное.

Она невероятно добрая, несмотря на жесткий ритм. В ней постоянно повторяется один и тот же куплет. Она неудержимо мчится вперед, словно транссибирский экспресс. Она захватывает нас и выносит из подъезда — по холодной лестнице в жаркий день. Мчит по асфальтовой дороге, туда, где заканчивается асфальт. Туда, где начинается Поле с пылью и жаворонками. А за Полем Лески, а за Лесками море. Люди, живущие в высоких домах, часто смотрят туда со своих бетонных балконов. Они щелкают кнопками телевизоров и магнитофонов. Вставляют и вынимают кассеты. Слушают и слушают музыку.

Люди ездят в центр на автобусах. Иногда они возвращаются домой примерно после обеда. Под их балконами растет сухая трава. У их подъездов шелестят листвой деревья. Внутри подъезда прохладно и вонюче. Внутри квартиры тихо и светло. Там работает телевизор: недавно подключили кабельное. А вдруг будет что-то интересное? Изображение плохое, но в перерыве между фильмами иногда бывает музыка. Всегда загадочная и экзотичная иностранная музыка. Диковинные люди внутри телевизора. Кого-то из них давно уже нет среди живых. Кто-то из них давно стал легендой (где-то ТАМ). А я так мало о них знаю... Но сейчас они впервые являются мне. Кто-то что-то сказал... Кто-то что-то слышал... А кто еще помнит о Марке Болане? Он один из загадочных представителей чужого мира, материализовавшийся в советском телевизоре. Припев его песни

звучит в моих ушах как "меливалю" или что-то в этом роде. Никто не знает, что это, зачем и откуда оно появилось. Но в этом есть некая тайна. Так же, как и в ее давно погибшем сочинителе.

Сегодня опять показывали их. Господи! А я переключил слишком поздно и застал только финал ЭТОЙ песни! Следующие уже не так мне интересны. И когда теперь покажут в следующий раз?! Может быть, никогда! Так оно и получилось. Марк Болан навсегда исчез из советских телевизоров. Он сам, как и его удивительная песня, затерялись, ушли в область легенд и смутных воспоминаний. Были сметены проблемами, переменами и жизненной суетой.

Перестроечные времена теперь уже сами стали легендой. Нет ни Поля, ни Лесков, ни советских телевизоров. Только высокие дома с бетонными балконами никуда не делись. И люди все так же ездят на автобусах. Едут в центр и возвращаются обратно. Слушают и слушают музыку. И конечно, им теперь никто не помешает вспомнить о Марке Болане и его удивительной песне. И даже повторять ее слова: "Metal guru, is it you, Metal guru, is it you! Yea, Yea, Yea!".

